

Го Нуань отличался редким здравомыслием. Он не питал иллюзий, будто способен коренным образом изменить Лэй Лижэня. Поначалу всё это казалось ему лишь увлекательной игрой: он наблюдал за происходящим со стороны, точно посторонний зритель, но теперь перед ним открылась редкая возможность — повлиять на будущее.

Конечно, можно было бы просто пристроиться под крылышко к будущему владыке, чтобы потом вместе с ним щелкать по носу всяких второстепенных персонажей. Го Нуань не ждал, что Лэй Лижэнь вдруг превратится в добряка. Его жизненный путь был предопределен, и раз уж он не собирался перекраивать саму судьбу мальчика, то и на его характер повлиять не мог.

Впрочем, забивать себе голову лишними заботами не хотелось. Го Нуань интуитивно чувствовал: остаться рядом с этим угрюмым мальчишкой — лучшее решение. Будь то ради веселья или собственной безопасности, он верил, что поступает правильно. А раз верил, то и действовал без колебаний.

Путники — израненный мальчишка и хромой пес — брели неторопливо, но всё же успели добраться до лечебницы до того, как сгустились сумерки.

Лечебница уже закрывалась: в столь поздний час Старейшина Ся и его ученики принимали только тех, чья жизнь висела на волоске.

Однако сегодня старый целитель отступил от привычных правил. Он велел своему старшему ученику, Ян Шэну, не запирасть парадные двери. Ночь уже вступала в свои права, прохожих на улице почти не осталось, и те редкие горожане, что проходили мимо, искренне удивлялись, почему в окнах лечебницы всё еще теплится свет.

Ян Шэн, разумеется, подметил эту странность. В душе он ворчал, недовольный затянувшейся сменой, однако перечить учителю не смел. Про себя он догадывался, что виной всему утренний переполох, виновником которого стал тот самый облезлый пес.

Поминая наставника недобрым словом, Ян Шэн лишь сильнее раздражался. На людях ученики без устали превозносили милосердие Старейшины Ся и клялись следовать его примеру, но в тайне считали учителя безрассудным чудаком. Излишнее сострадание ослепило старика: он заперся в выдуманном мире и напрочь забыл, насколько сурова и беспощадна реальность.

В конце концов, если ты хочешь не просто выжить, а выгрызть себе место под солнцем, жалость — плохой помощник.

Пока практики боевых искусств больны, они готовы превозносить лекарей до небес, но стоит хвори отступить, как спасители в их глазах мгновенно превращаются в обычную обслугу, ничем не отличающуюся от домашних слуг.

Размышления Ян Шэна прервало появление незваных гостей. Когда на пороге возник замарашка-оборванец в сопровождении такого же грязного, взъерошенного пса, ученик сразу

понял, ради кого учитель заставил их ждать.

Третий младший брат уже открыл было рот, чтобы спросить у нежданного гостя, зачем тот пожаловал, но Ян Шэн предостерегающе выставил руку, пресекая расспросы. Выступив вперед, он смерил пришедших брезгливым взглядом и процедил:

— Это еще откуда попрошайки выискались? А ну проваливайтесь, пока целы!

Обычный ребенок давно бы удрал без оглядки, испугавшись грозного вида старшего ученика, но Лэй Лижэнь даже не вздрогнул. Он лишь скользнул по Ян Шэну холодным взглядом.

Ян Шэн опешил. С чего вдруг этот заморыш заставил его сердце испуганно сжаться? Мальчишка не проронил ни звука, его лицо оставалось бесстрастным, но старшему ученику на миг показалось, будто на него уставилась ядовитая змея, отслеживающая добычу.

По спине пробежал холодок. Ян Шэн моргнул, всматриваясь пристальнее, но наваждение уже рассеялось: перед ним снова стоял обычный оборванец. Списав минутную слабость на усталость, он напустил на себя еще более суровый вид и повысил голос:

— Слышишь меня? Лечебница — не место для бродяг! И на что вы надеетесь? Чем расплачиваться будете, нищие?

Младшие ученики, убравшие помещение, даже не обернулись. К подобным сценам они давно привыкли.

Видя, что Лэй Лижэнь упорно молчит, Го Нуань занервничал. Чтобы не упустить шанс, пес залился звонким, отчаянным лаем:

— Гав-гав! Старейшина Ся, мы пришли! Выходи скорее, твой ученик гонит нас взашей!

Пронзительный лай больно ударил по ушам. Сморщившись от раздражения, Ян Шэн шагнул вперед, намереваясь пинками выставить наглых гостей за дверь, но в этот момент из внутреннего дворика донеслись шаги. На пороге показался Старейшина Ся. Ян Шэн тут же отпрянул и мгновенно напустил на себя самый благообразный и услужливый вид.

Притворившись, будто только сейчас заметил появление учителя, он услужливо поклонился:

— Учитель, тут вот... пришли.

— Пропусти их, пропусти, — замахал руками старик, приглашая гостей войти. — А ты, Ци Шэн, уступи сегодня место. Переспишь эту ночь вместе с новоприбывшим.

— Слушаюсь, учитель, — звонко отозвался паренек со смешными пучками волос на голове, сжимавший в руках метлу, которая была едва ли не выше его самого.

Го Нуань заметил, что, несмотря на покорный ответ, Ци Шэн обиженно поджал губы. Мальчишке явно претила мысль делить ложе с замарашкой.

Оно и неудивительно: даже издали от оборванца несло чем-то едким, похожим на запах тления, какой исходит от мертвецов. Ци Шэна уже подташнивало, и он с ужасом думал, как переживет эту ночь. Старшие ученики тоже уловили этот тяжелый дух, но за годы работы в лечебнице они успели наглядеться и нанюхаться всякого, так что даже бровью не повели.

Ци Шэн же пришел в ученики недавно, к тяжелобольным его пока не подпускали, а потому к подобным ароматам его чувства еще не притупились. И всё же строгие правила почтения к старшим не позволяли ему перечить воле наставника.

Лэй Лижэнь замялся на пороге. Впрочем, Го Нуань не мог утверждать это наверняка — он сидел у ног мальчика и не видел его лица. Да и согласно сюжету романа «Боевое зло», будущий тиран всегда сохранял маску ледяного спокойствия, так что разглядывать его мимику было делом бесполезным. Однако судя по тому, что юноша произнес мгновением позже, секундное замешательство всё же имело место.

— Я выпью лекарство и сразу уйду, — отчеканил Лэй Лижэнь.

Его тон оставался ледяным — ни намек на признательность к человеку, который протянул ему руку помощи. Ученики переглянулись, сочтя такое поведение верхом неблагодарности.

Однако Старейшина Ся лишь добродушно улыбнулся:

— Ты ел сегодня, дитя? Это снадобье нельзя принимать на пустой желудок.

Мальчик не ответил — не кивнул, не покачал головой, а просто застыл у входа каменным изваянием.

Старик со вздохом покачал головой.

— Ян Шэн, принеси-ка из кухни пресных лепешек. А ты, Чжан Цай, проверь отвар, который я велел приготовить.

Ученики спорить не стали и поспешили исполнить поручение. Оставшись наедине с гостями, которые упорно отказывались переступить порог, целитель не стал настаивать. Лечебница всё равно закрывалась, так что их упрямство никому не мешало. Старейшина Ся прекрасно понимал: этот угрюмый волчонок дорожит своей гордостью больше, чем жизнью, а потому не пытался принуждать его к гостеприимству.

Он лишь хотел сделать всё, что в его силах, дабы облегчить горькую долю сироты.

— Что ж, воля твоя, постой пока у входа. Как поешь, выжди полчаса и только тогда пей отвар. Принимать его нужно дважды в день, утром и вечером. О снадобье не беспокойся, мы станем готовить его к твоему приходу.

— Еда мне не нужна. Дайте только лекарство.

«Не желает быть обязанным?» — пронеслось в мыслях у Го Нуаня. В этот миг он словно читал душу Лэй Лижэня. Поставив себя на его место, пес отчетливо видел то же, что и мальчик: брезгливые взгляды учеников, их скрытую неприязнь. Единственным, кто проявлял искреннее участие, был старый лекарь.

Лэй Лижэнь не желал терпеть унижительную жалость. Он пришел сюда только за лечением, и когда разбогатеет, обязательно вернет долг до последнего медного гроша. Но принимать подачки, оставаться на ночлег или наниматься в услужение он не станет. Между ним и этой лечебницей нет и не будет ничего общего. В этом решении сквозила вся его суть.

Старейшина Ся открыл было рот, собираясь возразить, но промолчал.

В этот момент вернулся Ян Шэн. Убедившись, что учитель не видит его лица, он с тихим раздражением сунул Лэй Лижэню сверток с едой. Внутри оказались две небольшие пресные лепешки — скромное подношение, которого, впрочем, вполне хватило бы голодному ребенку.

— Мой пес ранен, — негромко произнес Лэй Лижэнь.

Ян Шэн недовольно нахмурился. Приказной тон мальчишки задел его самолюбие, но, сдержав гнев под пристальным взглядом учителя, он заставил себя улыбнуться. Наклонившись, он брезгливо приподнял грязного Го Нуаня с земли:

— Ах, этот милый щеночек? Задняя лапка пострадала? Не переживай, сейчас мы приложим целебные травы и наложим повязку, всё мигом заживет.

Го Нуань изумился. Он и подумать не мог, что Лэй Лижэнь заметит его хромоту, а уж тем более — попросит о помощи при посторонних. Для столь гордого и замкнутого подростка подобная просьба была равносильна признанию собственной слабости.

Этот короткий порыв искренне тронул пса. Пусть Лэй Лижэнь выражался грубо и неумело, Го Нуань понимал: этот ребенок вырос в полном одиночестве. Он просто не умел общаться иначе — его резкие слова всегда казались холодными, будто ошетилившийся против всего мира еж прятал за ними свой страх.

В будущем повзрослевший Лэй Лижэнь скажет: «Те, кто меня ненавидит, не станут

милосерднее от моих заискивающих улыбок и кротких речей».

И ведь он чертовски прав. Начни он пресмыкаться перед этими чистоплюями, они бы лишь укрепились в своем презрении.

— Тяв! Тяв! — Го Нуань благодарно лизнул бы мальчика, будь он ближе, но пока лишь звонко тьякнул, повернув к нему морду.

Пусть этот «главный герой» и отличался скверным характером от привычных спасителей мира из книжек, пес оценил его заботу. Понял ли Лэй Лижэнь этот собачий жест признательности? Хотелось верить, что понял.

Но едва Го Нуань посмотрел на Ян Шэна, вся его благодарность улетучилась, уступив место чистой неприязни. «Спасший одну жизнь превосходит воздвигшего семьюрусную пагоду» — этот напыщенный старший ученик, похоже, никогда не постигнет истинной мудрости целительства.

— Р-р-ав! Гав-гав! — залился Го Нуань яростным лаем прямо в лицо Ян Шэну, выражая крайнее возмущение его фальшивой любезностью.

Оказаться облаянным грязной дворнягой на глазах у наставника и младших учеников было для Ян Шэна неслыханным позором. Не имея возможности проучить наглого пса здесь и сейчас, он лишь сильнее стиснул зубы, мысленно перенеся всю свою злость на его молчаливого хозяина.

Грубо прижав щенка к столу, Ян Шэн принялся за обработку раны. Го Нуань, здраво оценив разницу в силе, решил не искушать судьбу и притих, покорно снося все манипуляции. Едва повязка была закреплена, пес вырвался из цепких рук лекаря и стрелой метнулся обратно к Лэй Лижэню, спрятавшись за его ногами.

Минул положенный срок. Лэй Лижэнь молча взял дымящуюся пиалу со снадобьем и единым духом осушил её, даже не поморщившись от горького вкуса. Вернув пустую посуду опешившему Чжан Цаю, он развернулся и, не проронив ни слова благодарности, шагнул в ночную прохладу.

— Учитель, вы только посмотрите на него! Ни «спасибо», ни поклона... Чистой воды неблагодарный волк! — в сердцах проворчал Ян Шэн.

А вот младший ученик, Ци Шэн, напротив, облегченно выдохнул. Кошмар миновал — ему больше не грозило делить постель с этим дурно пахнущим оборванцем.

Старейшина Ся лишь покачал головой, пряча в усах снисходительную улыбку:

— Эх, упрямец...

В его голосе не было ни обиды, ни упрека — лишь глубокое, отеческое понимание.

Ученики, умевшие чутко улавливать настроение наставника, благоразумно прикусили языки и поспешили вернуться к своим делам.

<http://bllate.org/book/20621/2131666>